

Рецензия на монографию М.М. Блиева «Россия и горцы Большого Кавказа на пути к цивилизации» М., 2004 г.

Монографическое исследование М.М. Блиева «Россия и горцы Большого Кавказа: на пути к цивилизации» – результат большого, многолетнего труда автора, основано на фундаментальной научной базе, насыщено документальным материалом. Автор широко привлекает источники, хранящиеся в фондах Архива внешней политики России, Российского государственного военно-исторического архива, Крымского архива и др. Из опубликованных источников следует в первую очередь отметить «Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссией» под ред. ак. А. Берже (АКАК), материалы сборников «Кавказский календарь», «Кавказский сборник», «Материалы по истории Дагестана и Чечни», «Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20–50-х гг. XIX в.» и др. Широко использована мемуарная литература, а также исследования дореволюционных и отечественных авторов. Книга написана хорошим языком и легко читается.

Несомненным достоинством рецензируемого исследования следует считать привлечение М.М. Блиевым работ целого ряда иностранных авторов, таких как Ю. Клапрот, Дж. Баумгартен, Дж. Бэдли, Д. Макки, Ф. Боденштедт, Е. Вагнер, Л. Блэнч, Э. Дюлорье и др. Таким образом, М.М. Блиев представил интересный научный труд, в котором ставятся и рассматриваются многие важные вопросы истории России и народов Большого Кавказа в XIX в.

Вместе с тем по работе М.М. Блиева имеется целый ряд замечаний, многие из которых носят принципиальный характер.

Профессор М.М. Блиев утверждает, что им создана «новая концепция развития общественных отношений и Кавказской войны в этом регионе, уточнены многие аспекты политической и социальной истории народов Кавказа». Эта концепция не является новой, поскольку еще в XIX в. дворянские историографы, стремясь оправдать завоевательную политику России на Кавказе, изображали горцев «хищниками», стоящими на низкой ступени развития. Автор фактически во многом их повторяет.

В работе М.М. Блиева искажены основополагающие аспекты социально-экономической истории Дагестана. Автор не считается с достижениями кавказоведческих школ Москвы, Санкт-Петербурга, Тбилиси, Дагестана. Ссылаясь на ранние работы дагестанских историков, он вообще не использует их работы последних лет, видимо, он просто не знаком с ними или ими пренебрегает, что не мешает ему делать далеко идущие выводы по различным аспектам истории Дагестана XIX в.

Стремясь доказать низкий уровень общественных отношений у горцев Дагестана, архаизируя их, профессор М.М. Блиев отрицает, что главным направлением их хозяйственной деятельности было земледелие. О существенной роли земледелия в хозяйственной жизни

дагестанских народов свидетельствует древняя, развитая система террасного земледелия.

Н.И. Вавилов, хорошо знакомый со всеми мировыми центрами земледелия, так оценивал террасное земледелие в Дагестане: «У нас в Дагестане можно видеть интенсивную террасную культуру, идеальное использование для культуры рельефа гор, максимальное использование каждой пяди для земледелия. Можно учиться умению рационально использовать каждый клочок ценной земли... Вряд ли можно лучше использовать землю, чем это делают в Дагестане». (Вавилов Н.И. Мировой опыт земледельческого освоения высокогорий // Природа, 1936. № 2. С. 80). По мнению же профессора М.М. Блиева, наличие террас – показатель отсталости земледелия, из чего он делает вывод об отсталости социально-экономической структуры горного Дагестана.

Земледелие было не только древнейшим занятием дагестанцев, но благодаря террасам оно было и основным их занятием даже в горных районах.

В крупнейших мировых очагах террасного земледелия был охвачен экономический кризис, охвативший пояс древних земледельческих цивилизаций, а также сформировалось общество нового типа, основанное на сочетании частной и общественной форм собственности. Сложился новый тип цивилизации – Йемен, Ливан с аппозитивными формами земельных и общественно-политических отноше-

ний, более прогрессивных, чем в цивилизациях долин больших рек – Нил, Тигр, Евфрат и т.д. Эти факты общеизвестны.

М.М. Блиев из горцев Дагестана делает чистых скотоводов, а скотоводческое общество, по его мнению, экспансивное и агрессивное. Это далеко не всегда так.

В XIX в. народы Средней Азии, которые попали в колониальную зависимость от Российской империи (казахи, туркмены и т.д.), не представляли никакой угрозы для расширявшегося российского государства.

Дагестанцы сочетали высоко-развитое террасное земледелие с пастбищно-выгонным и отгонным скотоводством, благодаря чему в горах плотность населения доходила до 100 человек на квадратный километр полезной площади. (В Индонезии, по данным французского географа П. Гуру, плотность населения доходила до 200 человек на квадратный километр благодаря именно террасному земледелию).

Горцы Дагестана занимались земледелием больше и тщательнее, чем скотоводством. Скот содержался в общественных стадах, его пасли и перегоняли чабаны. Земледелие же было, если можно так сказать, «поголовным» занятием населения Дагестана.

Говоря об антифеодальной борьбе, автор берет эти слова в кавычки. Означает ли это отрицание существования в Дагестане и в других регионах Большого Кавказа антифеодальной борьбы? Если бы М.М. Блиев был знаком с работами дагестанских историков, специально посвященных классовый борьбе, может быть, он написал бы по-другому.

Совершенно нельзя согласиться с оценкой, которую профессор М.М. Блиев дает Кавказской войне, ее социальной сущности, ее причинам и последстви-

ям. По утверждению автора, Кавказская война являлась результатом внутренних социальных процессов, присущих горским хозяйствам, дезинформируя тем самым читателя о роли такого действительно решающего фактора, как колониальная политика России, т.е. о роли внешних сил.

Мы не отрицаем значения внутренних причин, таких, как усиление феодальной эксплуатации, антифеодальная борьба. Движение 20–50-х годов XIX в. как раз и было направлено против колониальной экспансии и против усиления различных форм феодальной эксплуатации, что общеизвестно.

Думается, только человек, не знакомый или не желающий знать фундаментальных положений нашего кавказоведения, может утверждать, что народы Большого Кавказа разделились на социальные слои только к периоду Кавказской войны.

Социальное расслоение дагестанского общества исследователи отмечают еще в X–XIII вв. (М.Г. Гаджиев, О.М. Давудов, А.Р. Шихсаидов «История Дагестана с древнейших времен до конца XV в.». – Махачкала, 1996. С. 268–281).

В XV в. в социальной структуре дагестанского общества четко прослеживаются основные классы феодального общества, резко отличающиеся друг от друга. Класс феодалов был представлен правителями – (шамхал, уцмий, майсум, ханы), а также их близкими потомками (беки, чанки), военно-служилой знатью, верхушкой духовенства, а также светской верхушкой союзов сельских общин. Сами «вольные» общества были классовыми образованиями с внутренним расслоением на сословия (полноправное узденство, бесправные райяты, апараги и рабы). От феодальных образований их отличали только

способы формирования публичной власти и ее ротация. Таким образом, разделение дагестанского общества на социальные слои произошло задолго до начала Кавказской войны.

Вызывает недоумение утверждение профессора М.М. Блиева о том, что горцы Большого Кавказа боролись с Россией для совершенствования военной организации. Он начисто отрицает такую очевидную причину борьбы горцев, как желание сохранить свою самостоятельность, независимость. Но ведь это право признано во всем мире, за всеми народами. Ведь известно, что весь XIX в. Запад и Восток были охвачены освободительными войнами: войны на Балканах против Османской империи, война венгров против Габсбургов, война Польши против России и т.д.

Чтобы как-то обосновать свои выводы, М.М. Блиев приписывает горцам природную агрессивность. «Между тем военное дело и война, – пишет он, – являлись для горцев своего рода ремеслом, с помощью которого они поддерживали, а иногда и развивали свои хозяйства» (с. 13). При этом автор работы рассматривает как недостаток советской и западной литературы то, что в ней не показана «роль военных набегов» и «военной добычи» в экономике горцев. Но об этом не пишут и литераторы дореволюционной России. Ни один русский путешественник, историк, политический деятель, изучавший быт и нравы дагестанцев, не обнаружил у них наличия такого ремесла. Да и сам М.М. Блиев через несколько страниц признает это, указывая: «Социальную природу набеговой системы не в состоянии были понять не только официальные власти России, но и русские кавказоведы» (с. 32). По всей вероятности, они этого «не поняли» потому, что не считали

набеги отраслью экономики аварцев. Трудно предположить, чтобы организаторы колониальной войны, ее участники, отнюдь не питавшие к горцам дружеских чувств, а также историки, описавшие войну по горячим следам, не смогли увидеть и понять то, что через сто пятьдесят лет смог увидеть и «понять» профессор М.М. Блиев.

«Èíäöñððèÿ íàááàà», ñîðè-àëüíàÿ ìðààíèçàöèÿ «âíèüíâí íàùàñðàà», «óíðíù ñíàñðàáí-íñðè»... Ðàññèàððèàÿ íàááàè èàè íâí èç íððàñèáè çàíÿðèè, ààðíð ðàáíðù ìèðàð: «Íàðÿáó ñí ñèíðíâíàñðàáí è çàíèááàè-àí ààæíùí ñðàáñðàáí ÿéííè-÷àñèíâí àùæàáíèÿ ÿàèèññü íà-ñèèèà à óíðíà áíððòæáííâí íàááàà ñ öàèÿ çàðààðà èðàáè, ñèíðà, èíóáñðàà è äð. öâííñ-ðàè». Íàááàè ààðíð ðàññèàððè-àààð, èàè «ñíâíâ ðàáñèí», èí-ðíðíà ìðàáíñðàáèè äððàèà óíðíù òíçÿèñðàáííèè ààÿðàè-íñðè ìí ñâíáè àíðíâíñðè è àíâíðèð, ÷ðí «íàááàè ñðàèè ðà-íâñèí, ñâíñðèÿðàèüíèè ìð-ðàñèÿ ìàðàðèàèüíâí ìðèèç-âíàñðàà». Ýðí à èíðíà íàááðí. Æèááíüè ìððàñèÿ è çàíÿðèè è ìñíâíèè ÿéííèè÷àñèíèè æèçíè àíððàà àñááàà ÿàèÿèèññü çàíèááà-èèà è æèáíðíâíàñðàáí, í ÷àí ìóæà àíâíðèèè.

Профессор М.М. Блиев пытается также доказать, что дагестанцы совершали набеги из-за своего тяжелого экономического положения. «2/3 его (Дагестана. — *авт.*) территории совершенно не пригодна для сельскохозяйственного производства», — пишет он. Получается, что он не признает животноводство как отрасль сельскохозяйственного производства, в которой было занято население на этой территории Дагестана. Однако следом М.М. Блиев опровергает самого себя. На стр. 14 он пишет: «Материальное благопо-

лучие горской семьи ... целиком зависело от эффективности скотоводства. Являясь ведущей отраслью, оно обеспечивало горца продуктами питания (молоко, сыр, масло, мясо и т.д.), материалом на одежду, обувь, тягловой силой, топливом (кизьяк, шедший на топливо), удобрением и пр. Излишки скотоводческой продукции обменивали на зерно, которого не хватало горцу, сбывали на рынке, приобретая на выручку предметы домашнего обихода».

По законам логики эти два утверждения одновременно верными быть не могут: или 2/3 территории Дагестана не пригодны для сельскохозяйственного производства и животноводство не является его отраслью; или, наоборот, они пригодны для сельхозпроизводства.

Для доказательства своего мнения о низком уровне социально-экономического развития Дагестана автор использует недобросовестный прием, выхватывая из работ дагестанских исследователей отдельные слова или цитаты, которые выгодны ему, но не приводит их мнения, противоречащего его собственному.

Ошибочным является утверждение автора работы, что союзы сельских общин («вольные общества») образовались в XVII–XVIII вв. Исследователями Дагестана уже давно доказано, что союзы сельских общин возникли в результате разложения, децентрализации первых государственных образований, а также в результате борьбы общинников с феодальным сословием, в результате чего последние были уничтожены, оставшиеся приравнены к общинникам, их земли превращены в общинные и разделены между узденями. Процесс этот был ускорен в результате иноземного вмешательства (татаро-монголы, Тимур), после которого в Дагестане феодалы ослабели и обще-

ственники расправились с ними, выступив против усиления эксплуатации с их стороны.

Ошибочным является утверждение автора о том, что к началу XIX в. в Дагестане было всего 12 союзов сельских общины, а позже — 60. Ведь, чтобы писать об этом, необходимо хорошо знать источники и существующую литературу. К сожалению, профессор М.М. Блиев не знаком ни с тем, ни с другим.

В корне неправильным является мнение автора работы о том, что первоначально вольные общества состояли из тухумов. Тухумы, как родственные коллективы, не существовали вне общины, и поэтому «вольные» общества никак не могли формироваться из совокупности тухумов. Согласно существующему определению, «вольное» общество — это совокупность двух–трех и более сельских общин, состоящих из разного количества тухумов. Ошибочным является и другое мнение автора работы о том, что крупные «вольные» общества образовывались за счет вхождения в них новых тухумов и сельских общин. Нет тухума в Дагестане вне общества, и поэтому они никак не могли самостоятельно, оторвавшись от общины, входить в другие «вольные» общества.

В работе имеется утверждение, что «вольные» общества являлись не результатом социально-экономического развития, а результатом «набеговой практики», что, конечно, так же нонсенс.

Автор признает, что переход от общинно-родовой к частной собственности является главной исторической предпосылкой к переходу от родоплеменных отношений к социально-иерархическим. Но почему же тогда он не учитывает, что частная собственность на землю в горах возникла не в XVIII или в XIX в., а на мно-

гие века раньше и уже в XVIII–XIX вв. в горах – в «вольных» обществах были владельцы крупных земель и в то же время безземельные уздени-общинники, попадавшие в различные формы зависимости от первых.

Неправ автор, утверждая, что к XIX в. ни один джамаат не изжил полностью собственности на пахоту и сенокос. В общей собственности пахота сохранилась не везде, и притом это была небольшая часть земли по сравнению с теми пахотными землями, которые издавна находились в частной собственности.

В параграфе «Феодальные образования, военная демократия, начало русско-дагестанских противоречий» автор считает Кайтагское уцмийство, Аварское ханство, бекства полуфеодальными образованиями и объясняет их отсталость природно-климатическими условиями и скотоводческим направлением экономики. В этих владениях, как известно, были классы феодалов и крестьянства, была феодальная земельная собственность, эксплуатируемое (зависимое) крестьянство и т.д. Таким образом, налицо все признаки феодального общества. Причем, в Кайтагском уцмийстве экономика зиждилась не на скотоводстве. Феодальная собственность здесь была широко представлена землями Терекемейской равнины. А уцмий имел в собственности в Верхней части Кайтага и горы, за аренду которых получал большие доходы. Все это хорошо отражено в источниках.

М.М. Блиев пишет, что крупные «вольные» общества образовались за счет вхождения в них (в результате объединения) все новых и новых тухумов и сельских общин. Тухумы не существовали вне общины, поэтому не могли самостоятельно входить в союзы сельских общин. Это утверждение

проф. М.М. Блиева ошибочно, как и все, что он пишет о хозяйстве и социальной структуре дагестанского общества. Он глубоко ошибается, думая, что в Дагестане в XVIII–XIX вв. все еще существовали однотухумные общества (тухумные или «родовые» поселения). Этот этап Дагестаном был давно пройден.

Профессор М.М. Блиев пишет, что Кавказская война являлась продолжением набеговой политики. Если это так, почему Кавказская война не началась раньше? Ведь набеги были и до 20-х годов XIX в. Причина Кавказской войны, которую упорно отрицает профессор, кроется в том, что именно в 20-х годах XIX в. начинается активная политика России по покорению горного Дагестана, почему, собственно, начинаются и выступления горцев против этой политики.

В работе неправильно названы ряд союзов сельских общин. Так, автор, перечисляя даргинские союзы, пишет: Акушинское, Цудахарское и Даргалинское общества. Во-первых, не Даргалинское, а Даргинское, во-вторых, Даргинское общество – это и есть Акуша-Дарго. Неправильно даны названия Ерсинского общества (Эрсойское), названия обществ Каралал (Каранал), Тлейсерух (Тленсур), Тинди (Тандал), Багулал (Бакалал), Тилитль (Титлан), Андалал (Андила), Хиндалал (Хандалал).

В одном месте почему-то Зухум-кадий Акушинский превращается в правителя Аварии, что выходит из утверждения автора, что «выговаривая Зухум-кадию за положение в Аварии, генерал Вельяминов предупреждал об арестах». Зухум-кадий был правителем Акуша-Дарго и не мог отвечать за положение дел в Аварии.

При чтении книги складывается впечатление, что М.М. Бли-

ев специально поставил перед собой цель – во что бы то ни стало архаизировать уровень развития горцев Большого Кавказа, и в первую очередь народов Горного Дагестана, где в основном и находились союзы сельских общин.

Создается также впечатление, что основная задача профессора М.М. Блиева – во что бы то ни стало оправдать колониальную политику царизма на Кавказе и выставить горцев не как борцов за свою самостоятельность, независимость, а как варваров, для которых война с Российской империей являлась продолжением набеговой политики, как основной отрасли их занятий.

Автор подгоняет факты под надуманную концепцию о том, что Кавказская война была защитной реакцией царской России на «хищничество» горцев, а не присущим империям способом колониальных завоеваний (Сибирь, Средняя Азия и т.д.).

Таким образом, М.М. Блиев перечеркивает достижения российского кавказоведения в разработке проблем уровня общественного строя, хозяйства и социально-экономического развития горцев Северного Кавказа и Дагестана и возвращается к оценкам царских идеологов времен Кавказской войны. Пытаясь обелить агрессивную политику царского самодержавия, рецензируемая публикация оказывает медвежью услугу нынешней многонациональной России.

Э.М. Далгат,

д.и.н., зав. Центром истории Дагестана ИИАЭ ДНЦ РАН;

М.А. Агларов

д.и.н. проф., зав. отделом этнографии ИИАЭ ДНЦ РАН;

Б.Г. Алиев,

д.и.н. проф., главный научный сотрудник ИИАЭ ДНЦ РАН;

А.М. Магомеддаев,

к.и.н., старший научный сотрудник ИИАЭ ДНЦ РАН.